

C. 2.

Фельетонъ „Одес. Нов.“

6 июля 1889 года.

Литературное обозрѣніе.

Въ последнее время, съ легкой руки Чехова, въ русской беллетристикѣ воцарился особый писательскій жанръ. Заброшены толстые романы, итъ даже желанія, не говорить объ утѣшн. напечатать известнѣйш. типѣ, осветить общественное явленіе, провести любимую идею; психологическій анализъ отложить въ сторону; беллетристивой всецѣло овладѣть сельтоннымъ жанръ; небольшіе этюдн, увѣщанія сценн, наброски карандашн, легка замѣчательн слуха — вотъ, что даетъ намъ нынѣ писательское творчество.

Написавъ эти строки, вы нѣкогда образн не желаете отдать предпочтеніе роману передъ небольшимъ этюдомъ. Въ многописанн итъ спасенія Достоевско произведенія вырѣзается не члво странны, не замысловатостю дѣйствія, не многочисленностю огурирующнхъ въ немъ персонажей, а яркостю и опредѣленностю нарисованныхъ образн, естественностю изучаемаго явленія, правдою, проникающею въ строка произведенія. Нашъ любимѣйшій писатель и величайшій художникъ М. С. Тургеневъ почти не писатель большихъ романн, его лучшія произведенія отличаются именно простотою обстановки и незамысловатостю дѣйствія, онъ не пересказываетъ читателю полной биографіи своего героя; онъ выхватываетъ лишь одинъ эпизодъ изъ его жизни; но за то съ какою яркостю этотъ эпизодъ запечатлѣвается въ нашей памяти, какъ опредѣленно и живо вырисовывается огури героя въ нашнхъ воображенія, и какія глубокія думы вызываетъ она. «Записка охотника», это chef d'oeuvre тургеневской прозы даже не поэтн, это рядъ небольшихъ этюдн, изъ которыхъ каждый даетъ самостоятельное цѣлое а обще — поразительную картину армянскаго права. Точно так-

же лучшее произведеніе Достоевскаго «Мертвый домъ» рѣшительно не поддается подъ общую ширку романа или повѣсти, это рядъ картинн, въ такихъ которыхъ расцвѣтъ передъ нами жизнь цѣлаго класса добрыхъ и презрѣнныхъ людей, прозаодать въ нашнхъ вышленнхъ поренной перевернуть, выдѣять масъ въ самое сердце преступника, видное зоркову глазу художника, но закрытое отъ насъ неприступной батареей замурованныхъ стѣн «Уложенія о зак.» Мертвый домъ это цѣлая социальная проповѣдь любви и всепрощенія. — Къ этому типу принадлежатъ иькоторыя изъ сказокъ Щедрина и характеристикъ въ его «Щедринской старикѣ». Въ этихъ небольшихъ наброскахъ талантъ писателя сказывается даже съ большей силой, чѣмъ въ объѣмнотнхъ романн. Заключенный въ разѣврѣ этюда, онъ долженъ останавливаться на характеристичнхъ положеніяхъ, выбирать наиболѣе говорящія слова, схватывать самыя типическія черты; такъ широкія рѣка, скованная узкими берегами, бурлитъ и пѣнится, и ея бурный бѣгъ выражаетъ ея силу ярче, чѣмъ ея спокойное невозмутимое теченіе.

Середину между этими верхаи таланта и расквашеннми увѣщаніи занимаетъ Чеховъ. Чеховъ писатель въ высшей степени неровннй; рядомъ съ прелестными эскизами, облачающнми въ немъ и тонкую наблюдательность, и умѣнье подойти къ предмету съ самой интересной стороны, проныкнуть въ суть его, взять быва прямо за рога, встрѣчаютъ простые кованскіе протоколы, хроника городскнхъ и деревенскнхъ происшествій, мало остроумные анекдоты, бѣдные типа Рядомъ съ такими ренкаванн вытъ «Подобное дѣло»; повѣстивущее объ ограбленнхъ благодѣтельной церкви или какъ разсказъ «Видно», состоящій изъ толь что глухой дѣлать подпробанетъ дѣлать въ смѣннхъ съ нестерпимой. а дѣлать замуровать съ шлоими людьми, или какъ «Въ судѣ» весь интересъ котораго построень на простей-

С. 2.

случайности, сподвигшей на эту судьбу залу и похоронного отца и вольноного — сына — врать тогда ученики поэзии, как «Дана», чрезвычайно оригинально ставшая вопрос о домашнем воспитании, или «Тайный свидание» рисующая жизнь лютербургского чиновника высшего круга или рассказ «Стень», — характерны картины степи, ее постоянных дворцов, ее чужаков, ее безоглядой шири заборов и бланки сердца.

Несмотря на целый ряд неудачных рассказов, на неровности и шероховатости писательской кисти, за Чеховских нельзя не признать оригинального и грациозного таланта. Правда, он не дает нам глубоководных картин, не ставит нам сильных умственных запросов; у него не тип, а типики, но они, эти типики, живут у него и движутся перед нашими глазами. У него нет никаких подробностей, он краток и не страдает многословием; он умеет описывать природу, и притом так, что она является не в виде мертвого фона, а говорящими и действующими лицами; у него попадаются удачные выражения грациозно набросанные положения. Если бы мы желали точнее определять то впечатление, которое производят рассказы Чехова, мы обратились бы к роде венной литературной сестры, к живописи, и сравнили бы рассказы Чехова по манере концепции и по силе влияния на воображение читателя (монечно, мы говорили об удачных рассказах Чехова) с картинами нашего талантливого художника Н. Д. Кузнецова «Поле объёма» и «Прогулка».

Все эти достоинства таланта Чехова обезличили его рассказы в бесконечный уезд в публике, а успех в своем очерке вызвал подражателей. В настоящее время журналы и газеты переполнены рассказами и та Чехов, а вышедший рынок небольших сборников так же рассказы и в том же рубль. В сочинениях подражатели оказались далеко ниже своего

оригинала.

Перед нами поданное издательством книжка рассказов Северина (Н. М. Бердур) «Блаженство». Почему книжка называлась таким образом, мы не так не могли отгадать. Действительно, в числе рассказов есть и посвященный описанию блаженных предвзвешью это понятие образы не давало право автору объединять всю книгу под таким общим заглавием. Впрочем, быть может, это licentia poetica — поэтическая вольность, а не вольность иметь образца. Во всяком случае, читатель, введенный в заблуждение названием книги напрасно будет искать в ней описание однородных явлений и типов, содержание книги весьма разнообразно; в ней расписываются ростовщики старого типа, нарождающийся класс землевладельцев и доживших ищущих, первые прокуроры, юридическая приживалка и важная барыня, смена из военной жизни и, наконец, даже цыганская трагедия из жизни аистов.

Манера, с которой г. Северин прелюдует к описанию своих персонажей весьма нехитра, и в то же время весьма неудачна. Герои его не действуют, а рассказывают; притом рассказ только для виду принимает форму диалога; в действительности же один все время говорит, а другой — все время слушает. Так, напр., в рассказе «Во хмеле» старый ростовщик напугает без всякой видимой причины рассказывать всю свою подготную совершенно незнающему человеку; в другом рассказе «Сырнор» действие происходит на железной дороге, герой не с того, ни с сего им проваживает со своей женой с ребенком, отвоевывать место у соседки — барыни, пересаживать к себе друга, и далее рассказывать ему подробнейшим образом свою автобиографию. Дальновидный читатель сразу почувствует, что все тут весьма затвора для виду, а что автору хотьям и чтобы то не стало приобрести слушате- /.../

Бета.